

ЕЛЕНА КАМБУРОВА: «ЭТО Я ПОЮ В «ЕРАЛАШЕ»

Андрей Морозов

Нынешний год начался для Елены Камбуровой удачно. Вышел ее диск «Романс о жизни и смерти». В созданном ею Театре музыки и поэзии готовится премьера спектакля с говорящим названием «Абсент». В интервью «НИ» Елена КАМБУРОВА – одна из самых загадочных певиц России – рассказала о своем театре, о том, как она относится к Шевчуку, а также о том, почему она ни разу не смогла досмотреть до конца передачу «Фабрика звезд».

– Елена Антоновна, вас называют певицей для элиты. Никогда не хотелось петь для широких масс, на стадионах?

– Нет, я довольна тем, что у меня всегда была, есть и будет своя аудитория. Ее хватит на мой век. Сегодня мне грустно оттого, что многие мои зрители не могут попасть на мои концерты. Цена за билет в 400 рублей кажется им

неподъемной. Они унижены тем, что не могут себе этого позволить! Что же касается стадионов... Зачем они мне? Я понимаю, из кого будет состоять публика на стадионе. Я прекрасно отношусь к Юре Шевчуку, но недавно была на его концерте и поняла, что мне трудно в этом зале. Энергетика такого зала для меня неприемлема.

– Публика слишком молодая?

– Молодежь бывает очень разная. В свое время и я считалась молодежной певицей. Моими слушателями были мои сверстники, в основном студенты. Но тогда студенты могли просиживать по три часа в полной тишине, слушая стихи... А сейчас я вижу, как девочки сидят на плечах у мальчиков и воспринимают мир только на чувственном, физиологическом уровне.

PHOTOXPRESS

– Вы как-то цитировали фразу Ра-невской, что «человечество подтерлось Толстым».

– Это было сказано ею в отчаянии.

– А вот что вы сами сказали: «Отъезжая чуть-чуть от Москвы, видишь, что здесь звук скрипки невыносим». Немного похоже на столичный снобизм. Ведь и в провинции есть люди, которые любят классику.

– Их там единицы. Я смотрю фактам в лицо. Попробуйте сами в какой-нибудь сельский клуб привезти скрипача или пианиста и увидите, что из этого получится. При этом я обожаю деревенских людей, у меня в деревне есть дом. Но что поделать, если они с детства воспитывались на другом материале, на другой музыке? Помню, как я когда-то с пеной у рта доказывала, что аудитории везде одинаковы. Но первые же мои опыты – встречи со зрителями – доказали мне обратное. Если сегодня я выступаю перед студентами и меня чуть ли не на руках несут, и завтра я выступаю, например, в Люберцах с теми же песнями, то там вообще не поймут, о чем речь. Потому что это нестандарт.

Окончание на стр. 17

PHOTOPRESS

Елена КАМБУРОВА родилась 11 июля 1940 года в Новокузнецке в семье инженера и врача. В 1966 году окончила эстрадное отделение Государственного училища циркового искусства, а позже – отделение эстрадной режиссуры ГИТИСа. Елена Камбунова выступала перед студентами, записывала на радио песни Булата Окуджавы, Новеллы Матвеевой. Вместе с композитором и пианисткой Ларисой Крицкой создала собственный репертуар – синтез музыки, поэзии и актерской работы – и записала в 1970 году первый сольный диск-гигант на фирме «Мелодия». С середины 70-х годов в основном исполняла песенные циклы композитора Владимира Дашкевича, в том числе две сюиты для голоса с оркестром. В 80-е годы создала авторские программы «Путешествие во времени» (французские и английские баллады), «Ты видишь, я помню» (песни французских шансонье XX века), «Да осенит тишина» (русские народные песни и баллады). Голос Елены Камбуровой звучит более чем в 100 кинофильмах и мультфильмах. Среди актерских работ певицы роли в фильмах «Монолог», «Театр неизвестного актера», «Мой нежно любимый детектив» и других. С 1992 года Елена Камбунова – художественный руководитель созданного ею Театра музыки и поэзии. Первый опыт театрально-песенного спектакля – «Игра снов» (1993 год), где Елена Камбунова сыграла роль Пьеро. Народная артистка России.

«ЭТО Я ПОЮ В «ЕРАЛАШЕ»

Окончание. Начало на стр. 1

– Вам трудно было освоиться в Москве, когда вы приехали сюда учиться?

– Мне очень хотелось поступить, но жизнь вносит коррективы, и я не поступила с первого раза. Решила остаться в Москве, нужно было как-то продержаться. Москва – очень жесткий город, особенно это касается тех приезжих, у кого не оказывается денег. Мне приходилось ночевать и на вокзалах, и на стройках домов летом. Я очень рада, что имею такой жизненный опыт. А дальше я узнала, что идет набор в студию эстрадного искусства, и туда меня взяли.

– Желания вернуться на родину, на Украину, не было?

– Нет. К тому же уже к концу обучения образовался свой определенный жанр, с которым на Украине было бы сложно. С ним и тут-то было сложно, а там тем более.

– В 1968 году вы получили премию московского комсомола за цикл комсомольских песен...

– На самом деле это была спасительная акция. Мне тогда помог Ролан Быков. В тот момент я сдавала в «Москонцерте» свою первую сольную программу. Комиссия разгромила ее в пух и прах, во всем видела двойной смысл. Я пела «Греленду», «Орленка»... Для меня они никогда не звучали как комсомольские, потому что это песни про извечную трагедию молодых, которые не возвращаются с войны. «Орленка» чуть ли не каждый день пели по радио, а у меня она звучала как реквием по маленькому мальчику. Мы и «Там, вдали, за рекой» сделали в форме плача. Это было в тот самый момент, когда наши танки вошли в Прагу. «Все начинается с того, как молодежь поет эти песни, а потом заканчивается, как в Чехословакии», – говорил тогда на комиссии известный патриот России Суржиков. Ролан Быков был очень расстроен моим «провалом» и попросил меня спеть свою программу перед комсомольцами, а они решили дать мне за нее премию московского комсомола. Конечно, это было сделано с подачи Быкова. С одной стороны, премия

спасла меня. Но с другой – усугубила мое положение. После моих концертов определенные люди писали жалобы, что моя программа не соответствует комсомольской идеологии.

– Как случилось, что вы запели в кино?

– В то время я сотрудничала с Михаилом Таривердиевым. Он много писал музыки к разным фильмам. В фильме «Пассажир с экватора» была песня «Маленький принц», ее я записала первой. Интересно, что после записи ее два года не разрешали пускать в эфир. Даже сам Таривердиев ничего не мог сделать. Увидели какие-то намеки на советскую страну – «звездная страна, где же вы счастья острова?» В общем, еще одним анекдотом стало больше. Потом я озвучивала всяких зверушек в мультфильмах. У меня не всегда узнаваемый голос, ведь мало кто знает, что заставку в «Ералаше» пою я.

– Признаюсь, до сих пор не могу понять, как вам удалось из трагичной песни про не очень честную любовь «Шумел камыш» сделать нечто высокое?

– Я привыкла разбирать текст любой песни, чтобы понять – что хотел сказать автор, а автор есть у любой песни, и у народных песен тоже. Трактовать текст можно по-разному. Но в той песне я увидела небольшую драму. «Ямщик» тоже поется, как залихватская песня, но в ней я тоже увидела драму. Вообще, трактовка – это великое дело. Можно тысячу раз сказать «здравствуйте» и тысячу раз по-разному. «Здравствуйте» может звучать даже как оскорбление. Все решает интонация.

– А эстрада тоже может быть духовной?

– Она предполагает это. Но развлечение – развлечение – рознь. Дай бог, чтобы людей развлекали так, как это делали французские певцы в середине прошлого века. Это было и познавательно, и интересно, там не было пошлости и грубости.

– Проще говоря, есть Райкин и есть Петросян?

– Да, это большая разница. Но мне трудно указать ту границу, где можно было бы сказать: вот это пошло, а это нет. Я не стараюсь даже дер-

жать в памяти имена, стараюсь меньше видеть и слышать. Но все это усиливается из-за поддержки со стороны СМИ. Мне не хватило душевных сил посмотреть до половины хоть одну передачу «Фабрики звезд», мне становилось плохо. – Не каждый артист, даже самый народный, имеет свой театр. А вашему театру песни исполнилось уже 12 лет...

– Да, но ведь не каждый народный артист его и хотел. У нас долгое время не было помещения, поэтому по-настоящему театр существует всего года три. Это некоторое образование: я, мои музыканты, директор, администратор, потом к нам примкнули другие певцы и исполнители. Когда мы обзавелись помещением, у нас появились вдохновение, возможность репетировать тогда, когда мы хотим, составлять репертуар так, как сами хотим. Началась ежедневная работа, как в настоящем театре. И каждый раз, когда я захожу в наш театр, я понимаю: это чудо, что он есть.

– У вас были программы на стихи Маяковского и Блока. Почему вы выбрали поэтов-мужчин?

– Когда я услышала музыку, которую написал к их стихам Дашкевич, мне показалось, что мне это по плечу. Эти стихи – монологи души человека, а душа ведь бесполова.

– Но почему вы используете образ Пьеро после Вертинского?

– Я не задумывалась над этим. Пьеро был и до Вертинского, этот образ тоже им заимствован. Это вечная маска. Она переходит из века в век. В каждом веке есть свой Пьеро, свой Арлекин и своя Коломба.

– Вы много помогаете бездомным кошкам и собакам. Они вам нравятся больше, чем люди?

– А кто сказал, что я не помогаю людям? И кто сказал, что плохо помогать животным? Надо помогать всем беззащитным. Я с детства помню, что у нас во дворе было огромное количество бездомных кошек, и я носила им еду. У меня само собой тогда пришло понимание, что если я не дам им поесть, то они умрут с голода. Человек может попросить помощи, а животные на земле, как изгой, хотя имеют такое же право жить, как и мы.